

ЗОЩЕНКО – ПО-БЕЛОРУССКИ?

B. Norman. Zoshchenko – in Belarusian?

The Belarusian translations of stories of the Russian writer Mikhail Zoshchenko are analyzed in the article. Particular attention is paid to the colloquial elements which are translated only lexically (and not always). Other colloquialisms – of phonetic, morphological, syntactical levels – are translated into Belarusian using linguistic units which carry no connotations. The article confirms the conclusion that colloquial language as a separate functional sphere is not peculiar to Belarusian and the stylistic system of this language is different from the Russian stylistic system.

Keywords: colloquial language, Russian, Belarusian, translation, connotation, culture level, functional style.

Взаимообогащение культур происходит в том числе и через перевод с языка на язык художественных произведений. И русская литература служит неисчерпаемым источником вдохновения для белорусскоязычных авторов. Художественный перевод с русского на белорусский ставит перед собой не только экспериментальные цели; он позволяет вскрыть и некоторые лингвистические проблемы. Одна из них – это стилистический диапазон языка, функциональная палитра его речевых средств, особенно возвышенного и сниженного характера. В данном случае объектом нашего внимания будет русское просторечие.

В свое время А.Н. Гвоздев определял просторечие как стиль, который «выражается в отступлениях от принятых норм общения, в допущении языковых элементов, имеющих экспрессивную окраску грубоватости» (Гвоздев 1952: 14). Естественно, это предполагает низкий уровень общей культуры носителей просторечия, а также их малообразованность. Данному феномену уделяли внимание в своем литературном творчестве А.Н. Островский и А.П. Чехов, а после них – А. Платонов, С. Довлатов, Е. Попов, Н. Коляда и многие другие русские писатели; на этом языке говорили персонажи Аркадия Райкина и некто А. Кафинькин, вымышленный адресант Фаины Раневской... Но классическим источником для изучения просторечия можно считать ранние рассказы Михаила Зощенко. Традиция

использования просторечия в художественных произведениях для обрисовки персонажей размывает границу литературного и нелитературного языка и приводит к появлению понятия и термина «литературное просторечие» (ЛЭС 1990: 402).

Противоречивость феномена просторечия объясняется тем, что оно выделяется во всем объеме русскоязычной коммуникации на нескольких разнородных основаниях – таких как социальный статус его носителей, их возраст, происхождение, сфера деятельности, уровень образования, система нравственных ценностей, сфера употребления и т.п. По мнению В.В. Химика, следует различать две разновидности современного просторечия: социальную (это речь старшего поколения людей, часто негородского происхождения, с низким уровнем образования) и функционально-стилистическую (это субстандартный лексикон, насыщенный экспрессивными номинациями, матом, молодежными сленгизмами). Взаимодействие этих двух слоев и обуславливает системный характер современного русского просторечия (Химик 2000: 192–195).

Что же соответствует сложному феномену просторечия в современном белорусском языке? Сопоставима ли система функциональных стилей и обслуживающих их языковых средств двух близкородственных языков?

Бесспорным пионером в сфере сопоставительной стилистики русского и белорусского языков следует считать М. Г. Булахова, выпустившего в 1979 году специальную книжку (Булахов 1979). Отмечая в самом начале «отсутствие в белорусистике понятия просторечия» (с. 6), автор показывает, что

«в составе разговорной лексики и фразеологии белорусского языка также существуют средства просторечного характера, выступающие в качестве прямых полных или частичных эквивалентов к соответствующим русским словам или фразеологизмам, ср.: *балда* – *доўбня*, *булавешка*; *балбес* – *ёлуп*; *дрыхнуть* – *дрыхнуць*; *брехун* – *брахун*; *лоботряс* – *вісус*, *абібок...*» (Там же: 14-15).

В этом месте логично было бы задать вопрос: «Так где же именно отсутствует просторечие – в белорусском языке или в белорусском языкознании?» Возможно, просторечие не принято выделять в белорусской лингвистической традиции, но в самом языке оно занимает положенное ему место? Во всяком случае, наличие русско-белорусских лексических эквивалентов (подобных только что приведенным) допускает такой вариант ответа. Однако материал,

который мы далее рассмотрим, заставляет отнестись к этому тезису с осторожностью.

Кроме М.Г. Булахова, стилистика белорусского языка имеет и других своих видных представителей: М.Е. Тикоцкого, И.Я. Лепешева и др. И в целом, если судить по лингвистическим описаниям, просторечие оказывается для белорусского языка как раз «минус-знаком», типологической чертой, отсутствие которой характеризует всю языковую систему. В частности, в Энциклопедии «Беларуская мова» просторечие упоминается только как небольшая стилистически окрашенная часть разговорной лексики: «Частка размоўных слоў мае адценне спрошчанаści, грубаватаści, ў некаторых слоўніках яны называюцца прастамоўнымі і пазначаюцца паметай *праст.: аббібок, гарлапан, мазня, хеўра*» (Беларуская мова 1994: 541).

Та же точка зрения развивается в «Компендиуме» Б.А. Плотникова и Л.А. Антонюк:

«Асобную разнавіднасць гутарковай лексікі складаюць прастамоўныя сродкі выражэння, словы зніжанай неўнармаванай лексікі, грубыя мацэрныя словы, што даволі часта знаходзяць месца ў гаворцы малакультурных, слабаадукаваных людзей не столькі ў якасці сродку зносін, колькі ў якасці выражэння эмоцый, пачуццяў, ацэнак, а часам і проста ў якасці паразітычных слоў, рэплік, выразаў, што ўжываюцца з-за адсутнасці моўнай і агульнай культуры адпаведнага чалавека, або ў асобных сітуацыях сярод сваіх «калег», або выкарыстоўваюцца пэўнымі людзьмі, што знаходзяцца ва ўзбуджаным, псіхічна ненармальным, не кантраляваным свядомасцю стане» (Плотнікаў, Антанюк 2003: 93).

При всей пространности этого описания, оно не вносит ясности в систему функциональных разновидностей белорусского языка: из него следует, что просторечие – это только определенный слой номинаций в рамках «разговорной лексики», употребляемый некоторыми людьми, находящимися в особом состоянии, да к тому же со специфической целью.

И в вузовском учебнике белорусского языка упоминаний о просторечии нет, а о стилистически окрашенных словах вроде *здрьпаны, жэўжык, цыдулка* говорится как о «редких вкраплениях, приспособленных к тем или иным видам коммуникации» (Сямешка, Шкраба, Бадзевіч 1996: 266).

Следует добавить, что, по мнению некоторых ученых, функцию просторечия (городского субстандарта) в Беларуси принима-

ет на себя трасянка. Так, А.А. Лукашанец в одном из интервью заявил:

«Феномен беларускага вуснага маўлення, які мы называем трасянкай, выконвае функцыю так званага гарадскога прастамоўя ў аднамоўным асяроддзі. З гэтым трэба змагацца, але варта мець на ўвазе, што гутарковае маўленне і нават прастамоўе – гэта натуральная рэч у любой мове» (Лукашанец 2014: 310).

Не совсем ясно, почему нужно бороться с «естественным явлением», но возможно, в этом проявляется специфика белорусской ситуации. По мнению других специалистов, отношения между трасянкой и просторечием более сложные, хотя в значительной части эти идиомы и пересекаются, см. обзор точек зрения в: (Рамза 2014: 103–104).

Попытаемся проверить изложенные выше теоретические соображения на практическом материале – тексте переводов рассказов Михаила Зощенко на белорусский язык.

Компания «Белавиа» с 2010 года издает ежемесячный бортовой журнал «On Air», предназначенный для авиапутешественников. Среди многообразных познавательных-туристических материалов в конце почти каждого номера есть колонка «Трудности перевода». Белорусская переводчица Дарья Юцкевич регулярно печатает там свои переводы рассказов Михаила Зощенко. Каждый текст предваряется словами:

«Я не случайно обратилась именно к этому автору... Этот перевод – эксперимент с целью передать оригинальность и исключительность его [Зощенко – Б.Н.] стиля с помощью другого языка. Проверьте, узнаете ли вы Зощенко по-белорусски?».

Конечно, Михаила Зощенко трудно спутать с каким-либо другим писателем. Сами сюжеты его ранних рассказов и личность рассказчика – «простого человека» из 20-х годов – стали знаковыми. Но оригинальность произведений Зощенко в значительной степени обязана именно отличительным чертам языка его героев. Зощенко в тонкостях знал особенности не только психологии, но и речевого поведения соответствующей социальной группы.

Итак, обратимся к фактическому материалу. Для анализа нами были выбраны 10 коротких рассказов Михаила Зощенко. Перечислим их, указав в скобках номер журнала On Air и условное сокращение, которым мы будем пользоваться в дальнейшем: «Мещанство» (июль 2016, М), «Телефон» (сентябрь 2016, Т), «Медицинский случай»

(октябрь 2016, МС), «Больные» (январь 2017, Б), «Кризис» (февраль 2017, К), «Дамское горе» (апрель 2017, ДГ), «Сильное средство» (май 2017, СС), «Научное явление» (июнь 2017, НЯ), «Утонувший домик» (июль 2017, УД), «Социальная грусть» (ноябрь 2017, СГ). Все эти рассказы сатирического или юмористического толка были созданы писателем в период 1926–1932 гг.

Переводчица, конечно, старалась передать не только букву, но и дух оригинала. Внутренний мир героев зощенковской прозы понятен и близок белорусскому читателю, а разговорные интонации только способствуют обрисовке характеров. Во многих случаях Д. Юцкевич подбирает удачные лексические и фразеологические эквиваленты разговорным и просторечным выражениям (это подтверждает приведенную выше точку зрения М. Г. Булахова). Так, слово *теперича* (СС) передается как *цяперака*, выражение *находзясь под мухой* (СС) – *наклякаўшыся да чорцікаў, народищу уйма* (ДГ) – *народу процьма, вредная старушенция* (УД) – *шкодная бабулька; К следующему воскресенью поправится и пойдет* (СС) – *Да наступнай нядзелі пэўна ачуняе і пойдзе; Хуліганы сильно балуют* (УД) – *Хуліганы моцна арудуюць; Пес с вами* (К) – *Халера вас бяры; Какие ужасные ужасты!* (ДГ) – *Якія жудасныя жудасці!* и т. п.

В целом попытку перевода рассказов М. Зошенко на белорусский язык следует признать целесообразной (иное дело – нужна ли она массовому читателю или остается в рамках лингвистического эксперимента). Не считая единичных ляпсусов (например, в СС слово *портерная*, т. е. ‘пивная’, переведено как *партэрная!*), Д. Юцкевич удачно передает атмосферу мещанского быта и психологию «простого человека». Но, напомним, переводчик не всемогущ, он располагает ресурсами своего родного (или вообще – второго) языка и не может выйти за его пределы.

Далее мы попытаемся систематизировать факты просторечия в перечисленных выше рассказах Зошенко и формы их передачи в переводе на белорусский язык.

Фонетические особенности

Оригинал	Перевод
Может, говорю, вам блондины эффектней, чем brunety? (М)	Можа, – кажу, – вам бландыны больш за brunetaў падабаюцца?
... молоденькая, полненькая, осьмнадцать лет нет (М)	... маладзенькая, поўненькая, васемнаццаці яшчэ няма

Оригинал	Перевод
Резина же не имеет права пропускать энергию (НЯ)	Гума ж не мае права прапускаць энергію
Какой-то человек по лестнице спускается (К)	Нейкі чалавек па лесвіцы спускаецца
Пушай идет без очереди (ДГ)	Няхай ідзе без чаргі
Тогда вынимает он из-под шкапа вафельное полотенце (МС)	Тады дастае ён з-пад шафы вафельны ручнік
...чтобы вихорь в пучину не скинул (УД)	...каб у вір не трапіць

Очевидно, что фонетические черты просторечных слов очень разнообразны. Здесь и отвердевшее [р] в *брунет*, и устаревшие уже варианты *осьмнадцать*, *из-под шкапа*, и народно-поэтическое *вихорь* и др.

Особенности словоизменения и словообразования

Оригинал	Перевод
После фильму пойдем посмотрим (М)	Пасля пойдзем фільм паглядзім
Девчонка с головой погрязши в мешанство (М)	Дзяўчо з галавой загразнала ў мяшчанстве
Она была вышедши во двор по своим личным делам (МС)	Яна выйшла на двор па сваіх асабістых справах
Кабель где-нибудь лопнувши (НЯ)	Кабель недзе трэснуў
Ну, ихний супруг застрелившись (ДГ)	Ну, іхні супруг застраліўшысь
Объявляем против ихних носителей борьбу (СГ)	Аб'яўляем барацьбу супраць яе носьбітаў
И давно-с? (ДГ)	І даўно?
Становьте, – говорит, – три искусственных зуба (СГ)	Стаўце, – кажа, – тры штучныя зубы
А касаемо воды... (УД)	А што тычыцца вады...
За аппарат денежки не дарма плочены (Т)	За апарат грошы не дарэмна ўплочаны
Билет вам дарма предлагаю (СС)	Білет дарэмна прапаную
Обождите, говорю, месяц (М)	Пачакайце, – кажу, – месяц

Оригинал	Перевод
Делов-то найдется (К)	Справы знойдуцца
Из револьверу (ДГ)	З рэвальверу
Взять для примеру хотя бы нашего слесаря (СС)	Узяць дзеля прыкладу хаця б нашага слесара
И с чего бы это, мадам, извиняюсь? (ДГ)	І чаго ж гэта так, мадам, прабачце?
Ныряйте себе хоть целый день (К)	Нырайце сабе хоць дзень напрасткі
У каждого гражданина по целной комнате будет (К)	У кожнага грамадзяніна будзе свой асобны пакой

Среди словообразовательных и словоизменительных явлений обращает на себя внимание регулярное употребление деепричастий совершенного вида в значении прошедшего времени (*погрязши, вышедши, лопнувши* и т. п.). Для писателя это – характерная черта просторечия.

В отдельную группу стоит выделить употребляемые М. Зощенко просторечные служебные слова: предлоги, союзы, частицы.

Особенности служебных слов

Оригинал	Перевод
Имеете заместо тяжелого недомогания здоровую личность (МС)	Паспрабуйце замест яго ў тэатр хадзіць...
Попробуйте заместо того в театр ходить... (СС)	Вось вам замест хворага здаровы чалавек
Я, – говорит, – даром что председатель... (СГ)	Я, – кажа, – хоць і старшыня, але...
С револьверу они это самое, значит? (ДГ)	Гэта яны з рэвальверу, значыць?
Нашелся один добродушный человек с месткома (СС)	Знайшоўся адзін добразычлівы чалавек з мясцкома
Об чем речь? (ДГ)	Пра што размова?
Человек – животное довольно странное. Нет, навряд ли оно произошло от обезьяны (Б)	Чалавек – жывёла даволі дзіўная. Наўрад ці яна пайшла ад малпы
Потому без телефона как без рук (Т)	Бо без тэлефона як без рук
Высоко потому (УД)	Бо высока
Потому строимся же, граждане (К)	Бо будуюцца ж, грамадзяне

Представлена в рассказах М. Зощенко и просторечная лексика. Все эти слова имеют, очевидно, в русском языке свои литературные эквиваленты, например: *жалиться* – *жаловаться*, *хворать* – *болеть*, *маленько* – *немного* и т. п., но избранный писателем жанр сказа требует именно экспрессивно насыщенных номинаций.

Особенности лексики

Оригинал	Перевод
В союз пойду жалиться (М)	У саюз пайдуду скардзіцца
Родная племянница хворала почками (Б)	Родная пляменніца хварэла на ныркі
И вообще ничегошеньки не предполагаю (ДГ)	І ўвогуле ні пра што такое не думая
Только маленько нахмурилась (К)	Толькі крыху насупілася
Мало ли в пьяном виде трюхнетесь об тумбу... (СС)	Раптам у п'яным выглядзе зачэпіце тумбу...

Наконец, в текстах рассказов М. Зощенко можно обнаружить и просторечные синтаксические конструкции. Рассмотрим несколько примеров.

Особенности синтаксиса

Оригинал	Перевод
И у нее через это дар речи прекратился (МС)	І пасля гэтага яна перастала гаворыць
Я на тебя в Петросовет доложу за твои мешчанские штучки (М)	Я ў Петрасавет паведамлю пра твае мяшчанскія звычкі
Я раз в неделю по внутренним болезням лечусь (Б)	Я раз у тыдзень унутраныя хваробы лячу
Допустимо ли это самое подобное? (СГ)	Ці дапушчальна такое?

Судя по проанализированным рассказам Михаила Зощенко, русское просторечие использует единицы всех уровней языка – от фонетики до синтаксиса. Совокупность этих единиц и их взаимодействие образуют самостоятельный языковой идиом. А связи в языковой системе, говоря словами А. Е. Супруна, «не просто отражают ее коммуникативную предназначенность, но и служат оптимальному использованию языка в процессе общения» (Супрун 1996: 148).

В белорусских же переводах, как мы видели, на большинстве языковых уровней просторечным единицам соответствуют элементы, которые стилистически никак не маркированы. Можно ли объяснить это особенностями идиолекта переводчика? Или, скорее, это свидетельство большей стилистической однородности (целостности) белорусского языка, «срезающего», нивелирующего стилистические экстремумы русской речи? Мы склоняемся ко второму ответу. Вот, скажем, еще в одном рассказе Михаила Зощенко, «Гипноз», читаем: «Лучше бы ты курил, черт плешивый, чем пятерками в докторей швыряться». Как передать по-белорусски это *докторей*? У Д. Юцкевич, естественно – *пняцёркамі ў дактароў шпурляцца*. Можно, правда, считать, что эта семантическая асимметрия компенсируется рядом стоящим белорусским *шпурляцца* (при котором Толковый словарь дает помету *разм.*, т. е. «разговорное»), но это – слабая компенсация. Других вариантов нет.

Конечно, стоило бы попытаться фактам русского просторечия подбирать соответствия из иных нелитературных сфер белорусского языка: диалектов, жаргона. Но это весьма трудная и небезопасная задача: диалектизм или жаргонизм может привнести в текст постороннюю окраску, сориентировать читателя в ином направлении. Просторечие, при всей его субстандартности, – это общее для всего социума явление, не имеющее территориальных или профессиональных границ.

Таким образом, если довериться переводчику, то выходит, что в огромном числе случаев элементы русского просторечия не находят себе соответствия в белорусском языке. Кстати, заметим, что и в упомянутой работе М. Г. Булахова то и дело встречаются констатации типа: «в белорусском языке данный тип образований ограничен несколькими словами разговорно-просторечного характера» (Указ. соч.: 16), «в ряде же случаев русские существительные указанных словообразовательных типов вообще не имеют стилистических эквивалентов в белорусском языке, что особенно затрудняет перевод письменных текстов» (Там же: 17), «в белорусском языке нет соответствующего типа, выражающего оттенки презрительности, пренебрежения, уничижения, иронии и др.» (Там же: 21) и т. п.

Попытка перевода рассказов Зощенко на белорусский язык подтверждает тезис о функциональной специфике данного языка и соответствующей языковой картины мира. Общий вывод, к которому мы приходим, звучит так: диапазон стилистических средств белорусского языка оказывается суженным в сравнении с русским. Перед

нами – иная система коммуникативных средств и социолингвистических ситуаций. Просторечие в белорусском языке не носит такого массового и «системного» характера, как в русском; оно существует только в виде стилистической окраски, присущей некоторым разговорным словам. И если для русского языка данный феномен составляет особую проблему стилистики (как «низкая» и отторгаемая литературной нормой форма существования общенародного языка), то для белорусского языка проблема закономерно сводится к стилистической дифференциации лексики и, в более общем плане, к культуре разговорной речи.

Литература

Беларуская мова. Энцыклапедыя / Пад рэд. А. Я. Міхневіча. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1994.

Булахов М.Г. Основные вопросы сопоставительной стилистики русского и белорусского языков. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1979.

Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1952.

ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Лукашанец А.А. Беларуская мова ў XXI стагоддзі: развіццё сістэмы і праблемы функцыянавання. Мінск: Беларуская навука, 2014.

Плотнікаў Б.А., Антанюк Л.А. Беларуская мова. Лінгвістычны кампендыум. Мінск: Інтэрпрэссэрвіс, Кніжны дом, 2003.

Рамза Т.Р. Беларускае гутарковае маўленне ў славянскім кантэксце. Мінск: БДУ, 2014.

Супрун А.Е. Лекции по теории речевой деятельности. Минск: Белорусский Фонд Сороса, 1996.

Сямешка Л.І., Шкраба І.Р., Бадзевіч З.І. Курс беларускай мовы. Мінск: Універсітэцкае, 1996.

Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000.